

Н. М. Герасимова

ФОРМУЛЫ РУССКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

(К ПРОБЛЕМЕ СТЕРЕОТИПНОСТИ И ВАРИАТИВНОСТИ
ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ)

В большинстве работ, посвященных волшебной сказке, ее традиционные стилистические формулы рассматриваются как «окаменевшие», неизменяемые и поэтому легко воспроизводимые словесные обороты. Насколько такое мнение, вошедшее во все учебники по фольклору, справедливо, может показать только специальное изучение принципов организации различных типов формул и сопоставление формульных вариантов, зафиксированных в сборниках XIX—XX вв., с неформульным контекстом волшебной сказки.

В статье К. В. Чистова¹ «Вариативность как проблема теории фольклора» было показано, что традиция в любой сфере культуры может существовать только как сочетание стабильности (устойчивости) и пластичности (вариативности). Эта закономерность особенно четко выявляется при обращении к традиционной народной культуре. Сложность проблемы, как подчеркнул К. В. Чистов, заключается, однако, не только в осознании этой закономерности как таковой. Даже наиболее устойчивые элементы традиции, так называемые стереотипы, в процессе функционирования также варьируются. Их отличие от нестереотипных элементов проявляется в диапазоне, характере и механизме варьирования. Это утверждение, по-видимому, равным образом справедливо и для традиционных форм материальной культуры — одежды, жилища, орудий труда — и тем более для традиционных форм культуры духовной, включая обряды, фольклор, обыденное поведение и речевую практику. Вместе с тем не подлежит сомнению, что в каждой из этих сфер соотношение стабильности и вариативности имеет свои специфические особенности. Систематическое их изучение — одна из актуальных задач как этнографии, так и фольклористики. В этой статье мы обращаемся к одной из наиболее традиционных сфер речевой практики — рассказыванию сказок — и сосредоточим внимание на стабильных сегментах речи сказочника — традиционных формулах. Варьируются ли они и как именно — основной вопрос, который предстоит рассмотреть. Материал исследования — формулы, которые условно можно назвать «пограничными», отмечающие начало и конец сказочного текста или отдельных его частей². Формулы, служащие внутренними границами сегментов

¹ К. Чистов. Die Variabilität als Problem der Theorie der Folklore.— «Letopis. Reihe C — Volkskunde», № 19, 1976, Bautzen, S. 22—23.

² Формулы начала (инициальные) и конца (финальные) оказались наиболее изученными, так как они сравнительно легко вычлняются в текстах и привычно ассоциируются с понятием «сказочный стиль». См.: Л. Г. Бараг. О традиционной стилистической форме белорусских сказок и ее изменениях.— «О традициях и новаторстве в литературе и устном народном творчестве». «Уч. зап. Башкирского ун-та»,

текста, имеет смысл рассматривать вместе с инициальными и финальными, поскольку они имеют общие функции и сходную структуру.

При этом важно следующее обстоятельство: если сказочник пользуется формулами в определенных повествовательных ситуациях (сфера «высказывания»), он не выдумывает их каждый раз заново, а выбирает из ряда возможностей, накопленных традицией³. Все это не исключает индивидуального творчества, а означает только наличие традиционных ограничений в варьировании стиля. Так, можно установить инвариантные модели формул, учитывая состав и способы сочетаний, входящих в них элементов⁴ (включая максимальное их число для формулы каждого вида), и определить формы и функции элементов в отдельных вариантах, воплощающих инвариантные модели и существующих как текстовая реальность. Вопрос о варьировании формул сказывается, таким образом, тесно связанным с проблемой их организации. Поэтому необходимо обратиться к характеристике отдельных типов «пограничных формул».

Известно, что сказочник часто использует традиционные формулы в присказке и зачине. Присказка — своеобразная прелюдия к сказочному действию. Раешный ритм, тяготение к метатезе, оксюмору, метафоре сближает присказку с выкриками балаганных дедов⁵, прибауткой, небылицей⁶. Таким образом, следует дифференцировать случаи, когда в функции присказки прямо используются малые юмористические жанры фольклора⁷.

Материалом для создания присказки могут также служить разного рода бытовые ситуации. Так, сказку «Звериное молоко» предваряет шутивная бытовая сценка: «Жили-были два крестьянина: один — Антон, другой — Агафон. „Послушай, брат! — говорит Антон — Бедовая туца к нам несется“, — а сам как лист трясется. „Ну что ж за беда!“ — „Да

вып. XVII, № 7 (II). Уфа, 1964, с. 201—232; *Р. М. Волков*. Сказка. Разыскания по сюжетосложению народной сказки, т. I. Одесса, 1924; *его же*. Русская сказка. — «Научкові записки». Одесса, 1941, VI, с. 29—58; *Л. Копецкий*. К изучению языка и стиля русской сказки. — «Slavia», 1927, № 2—3, S. 281—307; *J. Polivka*. Úvodny a závěrečné formule slovanských pohádek. — «Národopisný Vestník Československý», 1926—1927, XIX—XX; *его же*. Slovanske pohádky, t. 1. Praga, 1932. Типологические параллели в сказках других народов см.: *O. Sirovatka*. K pomeru slovenske a ceske pohádkove tradice. — «Slovenský národopis», 1966, № 3, т. XIV; *M. Pop*. Die Funktion der Anfangs- und Schlussformeln in rumanischen Märchen. — «Volksüberlieferung», Göttingen, 1968, S. 321—326; *V. Gasparikova*. Anfangs und Schlussformeln in den Slovakischen Volkserzählungen. — «Miscellanea. Prof. Em. Dr. K. C. Peeters». Antwerpen, 1975, S. 241, 242. Формулы, встречающиеся в основной части повествования (медальные), как правило, лишь перечисляются в исследованиях без указания на их функциональные особенности. Исключение представляет книга Н. Рошиану «Традиционные формулы сказки» (М., 1974).

³ См.: *П. Г. Богатырев, Р. О. Якобсон*. Фольклор как особая форма творчества. — «П. Г. Богатырев, Вопросы теории народного искусства». М., 1971, с. 375.

⁴ Именно такой принцип исследования формул волшебной сказки предложен Н. Рошиану в книге «Традиционные формулы сказки».

⁵ *П. Г. Богатырев*. Художественные средства в юмористическом ярмарочном фольклоре. — «П. Г. Богатырев. Вопросы теории...», с. 450—495.

⁶ См., например: *Н. Е. Ончуков*. Северные сказки (далее — *Ончуков*). — «Записки РГО по отделению этнографии», т. XXXIII, СПб., 1908, № 10, 20, 33; *И. В. Карнаухова*. Сказки и предания Северного края (далее — *Карнаухова*). Л., 1934, № 97; «Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова» (далее — *Никифоров*). М. — Л., 1961, № 52, 112, 129; *Б. и Ю. Соколовы*. Сказки и песни Белозерского края (далее — *Соколовы*). М., 1915, № 22, 69, 150 и т. д. В сборнике Афанасьева читаем: «Начинается сказка от сивки, от бурки, от вещей каурки. На море, на океане, на острове на Буяне стоит бык печеный, возле него лук толченый; и шли три молодца похваляются, сами собой забавляются: были мы, братцы, у такого-то места, наедались пуще, чем деревенская баба теста! Это присказка, сказка будет впереди». См.: «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах» (далее — *Афанасьев*). М., 1957, т. I, с. 292; ср.: *Афанасьев*, № 134; *Ончуков*, № 10, 53 и др.

⁷ Мнение, что присказка составляет особый сказочный жанр, принадлежит А. И. Никифорову (см. вступительную статью к сборнику: *О. И. Капица*. Русские народные сказки. М. — Л., 1930, с. 10, 11, 15).

ведь град пойдет, весь хлеб побьет!“ — „Какой град! Дождь будет“.— „Ан град!“ — „Ан дождь!“ — „Не хочу говорить с дураком!“— сказал Антон да хватить соседа кулаком. Ни град, ни дождь нейдет, а у них из носов да ушей кровь льет. Это еще не сказка, а присказка; сказка будет впереди — завтра после обеда, поевши мягкого хлеба...»⁸.

Присказка может содержать разнообразные жизненные сведения, выдаваемые, однако, за ложные, небывалые: «В некотором царстве, в некотором государстве, на ровном месте, как на бороне, верст за триста в стороне, именно в том, в котором мы живем, жил-был царь. Без присказки сказка, што без полозьев салазки: из горы по льду нет им ходу, а по гладкому пути нечего их за собой везти. Слушайте диковинные речи: у дяди Луки были полати подле печи, мост стоял поперек реки, картофель родилась в земли, а рожь зрела на колоси. Не любо, не слушай, а врать — не мешай. Хороша алая лента, как одета на молодую, а на старуху хоть иять навесь, — все скажут, што морщины есть. Ну, вот, хоть бы в нашей деревне жил один поп...»⁹.

Виды присказок многообразны¹⁰, но они, как правило, имеют общее свойство: не связанная со сказкой по содержанию присказка как бы уподобляется ей структурно¹¹. Большинство присказок состоят из трех частей — инициальных формул, собственно содержания (средняя часть) и финала. Начальные формулы присказки («В некотором царстве» и т. д.) аналогичны формам зачина (фиксация времени — пространства, факта существования героя, развитый элемент достоверности). В присказке может отсутствовать финальная формула, тогда ее роль выполняют мимика, текст, интонация. Присказка как бы пародирует форму самой сказки, опираясь на начальные и конечные ее формулы как специфические «знаки» сказки. Аргументом в пользу того, что присказка, соотносясь со сказкой, акцентирует свойства пограничных формул, может служить факт существования присказок, составленных только из инициальных и финальных формул:

«В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, где и мы живем, жил царь на царстве, король на королевстве, да на ровном месте, как соха на бороне. Это не сказка, а присказка, а сказка будет после обеда, поевши мягкого хлеба, еще поедим пирога, да потянем быка за рога. Далеко отсюда, не в нашем царстве, в неведомом государстве, жил-был царь Ермолай...»¹².

Как и сказка, присказка динамична (отсюда интенсивное употребление ние глаголов действия или диалога).

Такое строение присказки не случайно. Оно отражает ее коммуникативную функцию; ориентированная на общение исполнителя с аудиторией, она построена на приеме «обманутого ожидания». Инерция восприятия сказочных формул «жили-были», обещающих долгое продолжение рассказа, нарушается раешным ритмом и конечной формулой — «Это не сказка, а присказка».

Другая функция присказки определяет ее «смеховой» колорит. Юмор присказки, основанный на перверсивном принципе, противопоставлен основному сказочному повествованию¹³.

⁸ Афанасьев, № 203, с. 97.

⁹ Карнаухова, № 19.

¹⁰ Различные виды присказок, зачинов и исходов рассматриваются в работе: J. Polivka. Slovanske pohadky, t. I, s. 124—145.

¹¹ Отдельно должны быть изучены присказки-предисловия, содержащие различные размышления сказочника и имеющие иную форму.

¹² Карнаухова, № 53.

¹³ См.: В. В. Блажес. Присказка. Закон композиционного контраста.— «Фольклор Урала». Свердловск, 1976, с. 56—63; о художественных средствах, используемых в присказке, см. также: П. Г. Богатырев. Художественные средства в юмористическом ярмарочном фольклоре, с. 450—496; Н. В. Новиков. Сатира в русской волшебной сказке записи XIX—начала XX в.— «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. II, М.—Л., 1957, с. 40—61.

В научной литературе распространено мнение, что развитый элемент недоверности, присущий присказке, зачину и концовке, способствует восприятию сказки как вымышленного повествования, противопоставленного реальной действительности¹⁴. Однако необходимо учитывать, что присказка прежде всего подчеркивает своим «смеховым» обрамлением серьезность самой сказки и акцентирует внимание слушателей не столько на вымышленности происходящего в сказочном мире, сколько на его отграниченности, стилистичности от мира реального¹⁵. Можно было бы отметить, что развитый элемент недоверности так же присущ присказке, как и зачину, но в более утрированной форме. Коммуникативная функция присказки при этом доминирует, каким бы изменениям присказка ни подвергалась у отдельных сказочников. Построенная по определенной схеме, она вовсе не представляет собой некой стилистической «окаменелости», а обладает ярко выраженной пластичностью. Варьирование осуществляется, с одной стороны, за счет выбора инициальных формул из репертуара сказочника, а с другой — путем наращивания, т. е. соединения разных типов присказки в одну. Пластичность формул присказки отражает тенденцию, которая, видимо, в целом характерна для варьирования «пограничных» формул сказки и находится в прямой зависимости от их структуры. Текст сказки, следующий за присказкой, обязательно начинается с зачина. Он может состоять из одной инициальной формулы одного типа, максимальное же число таких типов для русской волшебной сказки, по нашим наблюдениям, — пять: формулы времени, формулы пространства, формулы существования героев, формулы наличия или отсутствия (кого-либо или чего-либо) и формулы недоверности. Разнообразие зачинов определяется двумя закономерностями. Первая заключается в формульной синонимии¹⁶, вторая — в стремлении к амплифицированию (расширению, накоплению синонимических образований с целью повышения экспрессивности высказывания) или редуцированию (ослаблению, сокращению) входящих в формулу элементов. Однако в зависимости от типа формул их варьирование имеет свои особенности.

I. Самый распространенный тип инициальной формулы для всех жанров сказочной прозы — формула существования героев. Как все другие пограничные формулы, она не связана непосредственно с развитием сказочного действия. Оформляя исходную ситуацию, она лишь вводит в сказку периферийных действующих лиц. Конструктивный принцип ее состоит в сочетании опорных глаголов «жил», «был» или их соединения в разных вариациях с указанием на социальный статус персонажей (царь — царица, старик — старуха, вдова, бедняк). Сказка редко «представляет» в начале главного героя, чаще «жили-были» относится к его родителям¹⁷.

¹⁴ См., например: Э. В. Померанцева. Русская народная сказка. М., 1963, с. 67; Н. Рошьяну. Указ. раб., с. 23, 41, 87; Н. М. Ведерникова. Русская народная сказка. М., 1975, с. 64 и др.

¹⁵ Вопрос о функции смеха, маркирующего серьезность повествования, должен быть рассмотрен отдельно. Представляется, что конец и начало сказки не случайно отмечены смехом. Возможно, что проблему прояснит изучение генезиса формул.

¹⁶ Под синонимией понимается замена одного элемента другим с тем же значением, с той же функцией, в той же структурной позиции. См.: К. Ситов. Указ. раб., с. 26.

¹⁷ Н. Рошьяну считает, что возникновение медиальной формулы, отмечающей быстрый рост будущего героя, объясняется тем, что сам герой иногда еще и не родился в начале сказки (указ. раб., с. 18). С нашей точки зрения, появление медиальных формул этого типа было вызвано, с одной стороны, желанием показать «волшебность», «чуждость» судьбы героя (напомним, что герой часто сын вдовы или девушки), а с другой — выделить его чем-то среди сверстников.

Одновременно формула замещает описание целого периода жизни героя — от рождения до момента возникновения конфликта. Иногда она дополняется формулами гиперболизации силы героя. Недаром и те и другие формулы соседствуют и в сказочных, и в былинных текстах. Они также могут получать в сказках социальную мотивировку (о развитии социальных мотивов в сказке см. Е. М. Мелетинский. Герой волшебной сказки. М., 1958).

Формула с «жили-были» или «жил-был» встречается в сборниках наиболее часто¹⁸. Выражения «жил», «был», «жил себе», «был себе» могут образовывать формулу каждое в отдельности¹⁹, так же как формула «живал-бывал» или обращенная «бывал-живал»²⁰. Встречаются зачины с глаголами «жил-поживал», «жили-пожили», «было-побывало»²¹. Синонимическое сочетание «живало-бывало» отлично по своей функции в тексте от других инициальных формул данного типа. Оно, как правило, предшествует собственно зачину, как бы заменяя присказку: «Бывало-живало — в некотором государстве был-жил царь и царица» (Афанасьев, № 157); «бывало-живало — в некотором царстве, в некотором государстве, у царя Ефимьяна было три сына...» (Афанасьев, № 175); «бывало-живало, жил-был купец, у него была дочь» (Ончуков, № 69).

II. К формулам существования героев примыкают формулы наличия или отсутствия (детей, средств к существованию, здоровья и т. д.). Они активно варьируются: *у* (царя, купца, него, нее, старика, старухи и т. д.) *было* (а) (трое детей, три сына, дочь, стрелец, жена и т. д.), *было* у царя (...) два сына (...); *у* царя (...) *не было* детей (...) (ничего); *был* (он, она и т. д.)... (слепой, бедный и т. д.). Одновременно эти формулы служат переходом к сказочному действию. Несмотря на то, что этот тип инициальных формул в соединении с формулами существования образует самую популярную комбинацию начала сказки²², в научной литературе он не отмечался.

III. Инициальные формулы времени в русской волшебной сказке встречаются крайне редко. Обычно роль временного показателя выполняет все та же формула существования героев. В лингвистической литературе установилось мнение, что сочетание «жили-были» в зачине сказок — остаточная форма древнерусского *plusquamperfecta*. А. П. Евгеньева убедительно доказала, что «жил-был» — синонимическое словосочетание, так как в «любом из зачинов с „был-жил“ и „жил-был“ нельзя усмотреть стремление вынести действие „жил-был“ из ряда других, идущих последовательно одно за другим или происходящих одновременно с „жил-был“»²³. Эта тенденция к нагнетанию синонимических элементов одного вида характерна для всех формул начала и конца сказки, но в формулах с «жили-были» она получает дополнительную нагрузку. Определение времени в сказочной исходной ситуации корреспондирует с исполнительским временем рассказа о сказочных событиях и противостоит абсолютному времени действия сказочных героев. Таким образом, создается ощущение временной неоднозначности в сказочном зачине — «перевод» в прошлое в формах зачина оказывается

¹⁸ Афанасьев, № 102, 105, 130, 131, 136, 138, 140, 150, 152, 155, 159, 167, 170 и т. д.; «Русские народные сказки Карельского Поморья». Составители А. П. Разумова, Т. И. Сенькина (далее — Разумова). Петрозаводск, 1974, № 1, 3, 6, 7, 8, 10, 12, 15, 19, 30, 34 и т. д.; Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Пермской губернии (далее — Зеленин I). — «Записки Российского географического общества по отделению этнографии», т. XLI, Пг., 1914, № 2, 4, 9, 13, 16, 18, 19, 22, 24 и т. д.; Ончуков, № 27, 31, 34, 47, 56, 66, 68, 71 и т. д.; «Русские сказки Карелии. Подготовка текста, статья и комментарии М. К. Азадовского» (далее — Азадовский). Петрозаводск, 1947, № 4, 12—15, 19 и т. д.

¹⁹ Разумова, № 27, 34, 48, 60; Афанасьев, № 106, 111, 143, 165, 182 и т. д.; Зеленин I, № 14, 63; Ончуков, № 2, 3, 6, 16 и др.

²⁰ «Сказки Терского берега Белого моря». Подготовил Д. М. Балашов (далее — Балашов). Л., 1970, № 1 и др.; Ончуков, № 2, 3 и т. д.

²¹ Разумова, № 16; Балашов, № 7, Зеленин I, № 96; Афанасьев, № 164 и т. д.

²² Афанасьев, № 93, 95, 96, 105, 108, 113, 123, 124, 127, 128, 138, 140, 150 и т. д.; Разумова, № 1, 3, 6, 7, 11, 12, 15, 18, 20 и т. д.; Зеленин I, № 2, 4, 6, 7, 11, 16, 18 и т. д.; Ончуков, № 2—5, 8, 27, 34, 35, 46 и т. д. Практически каждая сказка любого сборника содержит эту формулу.

²³ А. П. Евгеньева. Сочетание жили-были в сказочном зачине. — «Памяти академика Л. В. Щербя». Л., 1951, с. 168.

ах
е»
рр
гся
за-
ей
ак
ку:
а»
ко-
ев,
ов,
а-
до-
га-
ец,
гей
ре-
от-
ми
аз-
аз-
зы-
сой
не
Ев-
во-
ль-
их,
ре-
сих
ща
ую
ес-
ях
Га-
ка-
тся

относительным. Такое соотношение временных пластов сказки еще отчетливее проявляется в другой пограничной формуле — «скоро сказка сказывается, не скоро дело делается», которая, как и зачин, показывает ориентацию исполнителя на аудиторию и служит внутренней границей сегментов сказочного текста.

Сходную функцию выполняют формулы «в давнее время», «досюль»²⁴, так же как и образные определения «давности» времени: «... когда еще наши деды не учились, а пращурь не родились...» (*Афанасьев*, № 180) или «В то давнее время, когда мир божий наполнен был лешими, ведьмами да русалками, когда реки текли молочные, берега были кисельные, а по полям летали жареные куропатки, в то время жил царь по имени Горох» (*Афанасьев*, № 130)²⁵.

IV. В отличие от формул времени топографические формулы более характерны для русских волшебных сказок. Сказочник может знать несколько формул этого типа и в зависимости от привычки, настроения аудитории или желания достигнуть определенного эффекта употреблять сокращенный или расширенный вариант. Так, в приведенной выше сказке № 19 из сборника Карнаухова в одном тексте обнаруживается пять определений пространства: «В некотором царстве, в некотором государстве, на ровном месте, как на бороне, верст за триста в стороне, именно в том, в котором мы живем...». Топографические формулы здесь взаимозаменяемы и каждая из них могла бы быть единственной. Особенно часто встречается отнесение действия «в некоторое царство», в «некоторое государство»²⁶, иногда — в «некое царство», в «некое государство»²⁷. Неопределенность места, усиленную отрицанием, фиксирует вариант «Не в каком царстве», «Не в каком государстве» или «Не в котором царстве-государстве»²⁸. «Царство-государство» может заменяться на «место» — «село», «деревню», что более характерно для бытовой сказки²⁹. Волшебная сказка предпочитает акцентировать удаленность места действия сказки: «В некотором царстве, за тридевять земель — в тридевятом государстве жил-был...» (*Афанасьев*, № 169, 197, 222 и т. д.).

Неопределенность места действия сказки иногда конкретизируется двумя противоположными по смыслу формулами: «В некотором царстве, в некотором государстве» и «именно в том, в котором (где) мы живем» или «не в том, в котором (где) мы живем»³⁰. Но тот факт, что эти формулы, встречающиеся в одинаковых контекстах, выполняют аналогичные функции и используются как стиливые синонимы, показывает условность такой конкретизации и скорее подчеркивает метафоричность локализации сказочного пространства³¹.

²⁴ См.: *Разумова*, № 21, 22, 27 и др.; *Ончуков*, № 79, 88, 108, 113 и др. «Досюль» или «в давние годы» не является жанроразграничительным временным отнесением. В волшебных сказках оно встречается так же часто, как и в бытовых. См., например, *Ончуков*, № 81—84, 117, 123 и т. д.

²⁵ Впрочем, в этой формуле чувствуется литературное влияние. См. *Р. М. Волков*. Сказка. Разыскания..., с. 20.

²⁶ *Афанасьев*, № 93, 104, 118, 121, 129, 136, 155—157, 159 и т. д.; «Великорусские сказки в записях И. А. Худякова» (далее — *Худяков*). М.—Л., 1964, № 3, 60, 61, 63, 72, 75, 81, 83, 85; *Зеленин* I, № 48; *Никифоров*, № 41, 47, 49, 53, 55 и т. д.; *Ончуков*, № 66; *Разумова*, № 2, 25, 48, 49, 54; *Карнаухова*, № 53.

²⁷ *Разумова*, № 15; *Карнаухова*, № 7, 42 и т. д.

²⁸ *Ончуков*, № 8, 80, 85; *Афанасьев*, № 101, 143, 184; *Зеленин* I, № 73, 85 и т. д.

²⁹ *Никифоров*, № 43, 49; *Афанасьев*, № 111, 145, 190; *Разумова*, № 10, 25, 63 и т. д.

³⁰ См.: *Худяков*, вып. I и II (далее — *Смирнов*). Пг., 1917, № 49, 52, 55, 60, 301, 302; *Ончуков*, № 8, 80, 116, 245 и др.; *Соколовы*, № 53, 58, 66, 112, 119, 129 и т. д.

³¹ См., например, противоречивое соединение этих формул в сказке «Данило, легонькой детина»: «В некотором царстве, не в нашем государстве, именно в том, в котором мы живем» (*Соколовы*, № 112).

д.;
И.
34
)—
Пг.,
д.;
ого»
и I,
е —
д.;
д.;
нка
аде-

Практически каждый элемент топографической формулы может подвергаться варьированию, но стабильной всегда остается смысловая установка — отнесение действия в далекое и неопределенное место³².

V. К топографическим формулам часто примыкает последний из пяти типов инициальных формул — формула недостоверности. Н. Рошияну, подробно рассмотревший этот тип, большое внимание уделил формулам времени, содержащим также элемент недостоверности, как показателю вымысла (особенно в румынских сказках)³³. В русской сказочной традиции элемент недостоверности выражен особой формулой, являющейся как бы юмористическим переистолкованием формул места: «В некотором царстве, именно в том, в котором мы живем, на гладком месте, как на бороне, жил знаменитый купец...» или «Не в которм царствии, не в которм государствии, на ровном месте, как на бороны, а верст за двести в стороны, жило три брата»³⁴. Следует подчеркнуть, что именно этот элемент сыграл важную роль в дифференциации архаической волшебной сказки от мифологического повествования, с одной стороны, и от других жанровых разновидностей сказочной прозы — с другой. То, что мы находим в классической волшебной сказке, вероятно, явление позднее. На ранних ступенях развития сказочного эпоса инициальным и финальным формулам, возможно, придавалось особое магическое значение, но насколько поздним является смеховое оформление начала и конца сказки, сказать трудно³⁵.

Итак, разнообразие зачинов русской волшебной сказки определяется не только вариационной синонимией входящих в них элементов, но и способами их сочетаний. Зачины могут существовать как в усложненной (амплифицированной), так и в сокращенной (редуцированной) форме. Амплифицированные формы создаются нанизыванием синонимичных формул одного вида: «В некотором царстве, в некотором государстве, за тридевять земель, в тридесетом государстве, жил-был сильный, могучий царь. У того царя был стрелец-молодец, а у стрельца-молодца конь богатырский» (*Афанасьев*, № 169). Здесь в зачин включены четыре синонимичных по своей функции формулы места, формула существования и две формулы наличия. Или: «Жил-был священник, была у него жена, было у ней три дочери, был у них взгляд ясного сокола, бровь у них была черного соболя, лицинько было белое и щоцьки у них алые. Очень были девицы brave» (*Ончуков*, № 78) — к формуле существования присоединяется семь формул наличия. Такого рода начальное описание в целом нехарактерно для русской сказочной прозы, но сама структура формулы типична для сказочного зачина.

Если редуцированные формы могут встречаться и в бытовых сказках, и в сказках о животных («Жил-был Котя-брата. Был у него пету-

³² Объем статьи не позволяет показать в полной мере взаимозаменяемость элементов в формуле, но следует отметить, что именно топографические формулы, имеющие большое поле вариативности, создают красочность и разнообразие зачинов русской волшебной сказки.

³³ *Н. Рошияну*. Указ. раб., с. 23—26, 27—31, 58—60 и т. д.

³⁴ *Соколовы*, № 129, 153; *Смирнов*, № 49; *Никифоров*, № 18, 52; *Зеленин I*, № 48; *Ончуков*, № 2, 5, 8; *Афанасьев*, № 139; *Карнаухова*, № 19, 42, 53 и т. д.

³⁵ В связи с этим особое значение приобретают свидетельства собирателей о рассказывании сказок как магическом действе и выделении пограничных формул, маркирующих магический смысл всего текста. В статье «Религиозно-магическая функция фольклорных сказок» Д. К. Зеленин приводит сведения о запретах на рассказывание сказок днем и при дневном свете. — В сб.: «С. Ф. Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности». Л., 1934, с. 218. См. также: *Р. Я. Вийдалепп*. Исполнение народных сказок как производственно-магический обряд. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964; *Н. А. Лавонен*. О древних магических оберегах. — «Фольклор и этнография». Л., 1977, с. 75, 76; *ее же*. Карельская народная загадка. Л., 1977, с. 17—27.

од-
зая
ное

яти
г и.
де-
ти,
кой
му-
лул
на
ко-
на
од-
на-
ния,
про-
рке,
ого
сь
вое

тся
о и
ген-
ой)
ни-
су-
ль-
мо-
ены
су-
ыла
ла,
них
су-
на-
зы,

каз-
ету-

нгов
боль-
шеб-

48;

рас-
рую-
ольк-
азок
нной
ска-
рессе
гиче-
род-

шок» — *Никифоров*, № 2), то амплифицированные формы более характерны для волшебной сказки³⁶.

Собственно говоря, те же тенденции обнаруживаются при анализе финальных формул. Присказке соответствует здесь концовка прибауточного характера: «Я у их был, да мед пил. Мне дали колпак да почали из избы-то толкать. Дали шшуку — я дверей-то не ушшупал. Дали шлык, я в поворотню-то швырк. Мне дали леденну лошадку, да репно седельшко, да сименную уздичку, да синей кафтан, да красны коты. Я еду, — синочка и кричит: „синь да хорош!“ — А мне почулося: „Скинь до полож!“ Я положил под кокору, и сам не знаю под котору. Синочка опять кричит: „красны коты!“ — А мне почулося „драны коты!“ Я взял да и бросил. Я замерз без кафтана-та; вот увидел огонь, приехал — у меня лошадка-та и растаяла; а седельшко-то свиньи съели» (*Зеленин I*, № 94)³⁷. Развитый элемент снятия достоверности характеризует именно этот тип концовок. Но наряду с ними в сказке присутствуют и иные формулы, сигнализирующие о конце сказки³⁸. Так же как начальные, они бывают нескольких разновидностей. Проследим как они варьируются.

I. Финальные формулы существования героев. Как и аналогичные формулы начала сказки, формулы этого типа взаимозаменяемы в одних и тех же структурных условиях. Синонимами формулы с ключевым сочетанием «Живут-поживают», таким образом, являются варианты: «Стали жить-поживать» или «Стали жить да быть», краткой формой которых служит вариант «Стали жить» или «Стали поживать». В усложненных вариантах этот тип формулы получает развитие за счет формулы, утверждающей благополучие героев: «Добра наживать», «Добра припасать», или ее модификаций: «Лиха не знавать», «Лиха избывать», что соответствует в инициальных формулах наличию или отсутствию у героев чего-либо или кого-либо, например: «Детей наживать» (*Садовников*, № 60)³⁹. К этому типу относятся и формулы дальнейшего бытия героев — «и теперь живут», варианты — «до сей поры живут» или «еще живут». В расширенном виде — «до сей поры живут и нас переживут»⁴⁰; иногда прибавляется «хлеб жуют»⁴¹.

II. Ко второму типу финальных формул относятся формулы, акцентирующие момент окончания рассказывания сказки: «Тут и сказке конец»⁴² или самый популярный вариант: «И сказка вся»⁴³. Как и все виды пограничных формул, они имеют тенденцию к редукции (варианты «вся» или «конец») и амплификации за счет рифмующихся устойчивых выражений. К формуле «Сказка вся» может добавляться «Больше врать нельзя» или «Дальше говорить нельзя»⁴⁴.

³⁶ Определить наиболее распространенные виды и формы сочетаний элементов можно будет только по завершении работы по формульному анализу волшебной сказки, предполагающему составление статистических таблиц. Сейчас ограничимся констатацией некоторых существенных особенностей формульной вариативности.

³⁷ Ср.: *Афанасьев*, № 146, 147, 432; *Зеленин I*, № 94; *Соколовы*, № 114; *Ончуков*, № 85; *Худяков*, № 49; *Смирнов*, № 49.

³⁸ Неформульные окончания сказки в работе не рассматриваются.

³⁹ Ср.: *Зеленин I*, № 11, 19, 48, 59, 72, 76, 87, 96; *Афанасьев*, № 100, 101, 103, 107, 108; *Ончуков*, № 27, 34, 47, 48, 69; *Азадовский*, № 4, 7, 14, 16; *Балашов*, № 1, 4, 6, 24, 25, 39; *Смирнов*, № 5, 8, 9, 11, 26, 27, 37; *Соколовы*, № 54, 56, 57, 59, 61; *Худяков*, № 2, 4, 10—12, 14, 16, 18, 22 и т. д.

⁴⁰ *Балашов*, № 1, 6, 7, 59, 65, 93, 95, 97; *Афанасьев*, № 110, 138, 175, 191, 193; *Разумова*, № 10, 32; *Зеленин I*, № 72, 73, 76, 77, 85, 87; *Худяков*, № 2, 4, 10—12, 14, 16 и т. д.

⁴¹ *Афанасьев*, № 191, 193; *Никифоров*, № 45, 64, 66, 86, 114; *Соколовы*, № 42, 123 и т. д.

⁴² *Афанасьев*, № 146; *Никифоров*, № 49, 66, 81, 82, 94, 97, 106; *Карнаухова*, № 162; *Зеленин I*, № 12; *Разумова*, № 31 и т. д.

⁴³ *Ончуков*, № 87, 128, 129, 130; *Соколовы*, № 65, 115; *Балашов*, № 21, 24, 25, 27, 35, 41, 45, 47; *Никифоров*, № 11, 41, 58, 61, 70, 74, 84, 100 и т. д.

⁴⁴ *Афанасьев*, № 215; *Никифоров*, № 3, 128; *Балашов*, № 7, 65, 67, 81, 95, 96; *Разумова*, № 4, 23, 31; *Соколовы*, № 43, 54 и т. д.

III. К формуле «Тут и сказке конец» примыкают финальные формулы «вознаграждения» сказочнику. Награда за рассказывание сказки требуется разная: «А еще водочки (меду) корец», «Вам сказка, а мне бубликов (баранков) связка», «А мне денег катамашка». У А. Новопольцева встречаем развитую формулу концовки: «Тут и сказки конец, сказал ее молодец, и нам молодцам, по стаканчику пивца, а за скончание сказки — по рюмочке винца» (*Садовников*, № 41)⁴⁵.

Подобно инициальным формулам, концом сказки может служить формула одного из указанных видов (редуцированные формы), несколько примыкающих друг к другу синонимичных формул одного вида или сочетание нескольких формул разных видов (амплифицированный исход): «Стали они все вместе жить-поживать, а лиха избывать» (*Афанасьев*, № 167) — в финале две формулы существования и формула наличия. «И зажили все припеваючи» — сказка кончается формулой дальнейшего существования героев.

IV. Одним из любимых сказочниками приемов является использование в финале волшебной сказки формул пира. Как правило, это несколько формул, объединенных общей функцией: ввести в круг действующих лиц сказки самого рассказчика и представить его участником сказочных событий. Н. Рошняну выделил четыре элемента, присущих финалу такого рода: а) присутствие сказочника на пиру; б) действия сказочника; в) перемещение сказочника от места действия к слушателям; г) цель перемещения — изложение сказки⁴⁶. Первые три вида формул встречаем и в русской волшебной сказке, последний — для русской традиции нехарактерен. Формулы пира вводятся словами о свадьбе героев или финальной формулой существования героев. Далее следуют формулы присутствия сказочника на пиру, варианты которых создаются в основном за счет называния места, где был сказочник: «Я там (в городе, на пире, на свадьбе) был». Опорные слова «я... был» не изменяются⁴⁷. В формулах действия сказочника на пиру чаще других встречаем следующие замены: «Мед пил» (*Зеленин* I, № 33), «Да пиво пил» (*Ончуков*, № 69; *Зеленин* I, № 96; *Разумова*, № 20); «Мед-вино пил» (*Афанасьев*, № 123) и т. д. Принцип образования вариантов здесь аналогичен другим пограничным формулам; основа его в использовании развитой синонимии элементов: «По усам (бороде, губам) текло (бежало), в рот не попало (во рту не бывало). На душе сытно и пьяно стало»⁴⁸. Варьируются формулы приобретения и «потери» подарков, которые развивают тему пира и часто примыкают к формулам обращения со сказочником на празднике: «А пиво-то не дали, угощали только чай-

⁴⁵ Ср.: *Афанасьев*, № 102, 185, 249, 251, 367; *Ончуков*, № 79, 120; *Никифоров*, № 25; *Карнаухова*, № 1; *Соколовы*, № 75 и др. Существует мнение, что наличие этого типа формул предполагает возможность возникновения сказок в среде профессиональных исполнителей (см.: *В. Ф. Миллер*. Очерки русской народной словесности. М., 1897, т. 1, с. 34; *Н. Л. Бродский*. Следы профессиональных сказочников в русских сказках. — «Этнографическое обозрение», 1904, № 2, с. 1—18. *С. В. Савченко*. Русская народная сказка. Киев, 1914, с. 24—29; *М. К. Азадовский*. Русские сказочники. — «Русская сказка. Избранные мастера». Л., 1932, т. 1, с. 19 и др.). Но вопрос о профессиональной традиции рассказывания русской сказки изучен пока недостаточно. Следует указать, что требование вознаграждения исполнителя встречается и в других фольклорных жанрах, например в обрядовой поэзии. За исполнение колядок требовалось обязательное вознаграждение, хотя исконный магический смысл колядования забылся, и оно превратилось в веселую игру. Не встречаемся ли мы с аналогичным изменением функций текста и в формулах сказки?

⁴⁶ *Н. Рошняну*. Указ. раб., с. 54, 55.

⁴⁷ *Разумова*, № 20, 30, 34; *Зеленин* I, № 33, 48, 95, 96; *Д. К. Зеленин*. Великорусские сказки Вятской губернии (далее — *Зеленин* II). — «Записки РГО по отделению этнографии», т. XLII, Пг., 1915, № 4, 6, 13, 27, 75, 100, 115, 118, 122; *Афанасьев*, № 103, 109, 123, 124, 126, 128, 129, 132; *Никифоров*, № 10, 81, 21 и т. д.

⁴⁸ *Разумова*, № 20, 34; *Афанасьев*, № 103, 123, 158; *Ончуков*, № 66, 68, 79; *Никифоров*, № 10, 81, 131; *Смирнов*, № 1, 4, 31, 49, 159, 179; *Балашов*, № 3, 4, 5, 29, 95 и т. д.

ком, да сладким медком» (*Разумова*, № 25); «На том пиру и я был, мед-вино пил, по усам текло, да в рот не попало. Тут меня угощали: отняли лоханку от быка да налили молока, потом дали калача, в ту ж лоханку помоча. Я не пил, не ел, вздумал упираться, со мной стали драться, я надел колпак, стали в шею толкать...» (*Афанасьев*, № 137). Широко используется в концовках мотив утраты сказочных подарков. Рассказывая о сказочнике как одном из героев, сказка наделяет его чертами неудачника, нерасторопного и глупого владельца «ледяной лошадки» и «гороховой плеточки». Зыбкость, призрачность сказочного счастья для человека из реального мира противопоставлена вечному благополучию сказочных героев. Финальными формулами сказочника достигается эффект разрядки напряженного внимания аудитории. По своей коммуникативной роли формулы действия сказочника на пиру представляют собой аналог присказки, в то время как другие финальные формулы скорее близки к зачину.

Итак, инициальные и финальные формулы не только имеют сходное строение, симметричные структурные позиции, но и определяемые этой общностью принципы их варьирования, основывающиеся на синонимических заменах, амплификации и редукции элементов. В этом плане им близка группа медиальных формул, которая выполняет в сказках ту же коммуникативную роль⁴⁹. Каждый из элементов, образующих внутреннюю пограничную формулу, взаимозаменяем и может присоединяться к себе подобному. Но если формулы зачина и концовки содержали амплификацию сходных элементов, то медиальные формулы объединяют элементы с противоположным значением: «долго ли, коротко ли», «близко ли, далеко ли», «низко ли, высоко ли», «много ли, мало ли», «скоро сказка сказывается, не скоро дело делается»⁵⁰. Как правило, эти словосочетания организованы ритмически и синтаксически однородны. Их варьирование обнаруживает тенденцию, которая свойственна всем пограничным формулам волшебной сказки: расширение формулы за счет увеличения синонимичных элементов и соединение нескольких формул в единый блок. Создавая рамку сказочного действия, пограничные формулы выполняют роль переключателя в пространственно-временной структуре повествования и служат специфическими сигналами сказочного текста. Особое восприятие пограничных формул в ряду других формул волшебной сказки сохраняется несмотря на их варьирование. Это объясняется тем, что пластичность пограничных формул предполагает взаимодействие постоянных и переменных факторов стиля. Стабильность формул обусловлена их семантикой, структурной позицией, функциями в повествовании и коммуникативной ролью. Взаимозаменяемость как формул в целом, так и отдельных их элементов по принципам стилистической синонимии, амплификация и редукция сходных элементов определяют границы их варьирования.

⁴⁹ В медиальных формулах пространства — времени проявляется преобладание экспрессивной функции (ориентация на отправителя сообщения) над другими коммуникативными функциями сказочных формул. «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается» — так рассказчик соизмеряет время действия сказки со временем рассказа о сказочных событиях. Присоединяясь к формулам «долго ли коротко ли», «близко ли далеко ли», «низко ли высоко ли» при глаголах действия, она ограничивает одну событийную ситуацию от другой и служит внутренней границей сегментов сказочного текста. Но то, что эта группа формул в композиционном отношении является медиальной, определяет ее меньшую значимость как делимитатора (ограничителя) повествования (о иерархии делимитаторов повествования см.: *T. Dobrzynska. Delimitacja tekstu literackiego. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdansk, 1974, s. 5—11*). Однако эти формулы входят и в класс пограничных, что делает возможным их отнесение, например, в сказочный зачин: «В некотором селе, не далеко не близко, не высоко не низко, жил-был старик...» (*Афанасьев*, № 296).

⁵⁰ *Афанасьев*, № 93, 101, 129, 138, 167, 170, 172, 176, 177, 185, 191, 192; *Карнаухова*, № 3, 7, 41, 52; *Балашов*, № 1, 6, 7, 23, 27; *Разумова*, № 34, 35; *Зеленин* 1, № 9, 13, 20; *Соколовы*, № 7, 15, 16, 139 и т. д.

Таким образом, исследование проблемы формульного стиля волшебной сказки показывает, что вариативность является закономерным способом существования традиции, присущим даже наиболее консервативным ее формам.

FORMULAE IN THE RUSSIAN FOLK TALE
(TO THE PROBLEM OF STEREOTYPE AND VARIATION
IN TRADITIONAL CULTURE)

The paper deals with the problem of variety in the stylistic formulae of the Russian folk tale, such formulae being the most traditional and stable elements of the storyteller's speech. A number of 19th and 20th century folklore collections have been examined; this has served to establish certain trends in the variation of the initial, final, and medial formulae that delimit the fabulous narrative. Analysis of each type of such formulae shows that their plasticity is based upon their structural and functional properties; it comprises both the use of a highly developed synonymy of elements and the congestion of similar elements (amplified forms) or, conversely, their truncation (reduced forms). The communicative and expressive function of the traditional introduction (*priskazka*), which accentuates the role of the marginal formulae in the story, is particularly stressed.